

Глава 1. В чужой шкуре

Кто-то из мудрецов изрек: пока человек жив, судьба не устанет подбрасывать ему сюрпризы. Чаще всего — малоприятные.

Примерно это и произошло с Юй Шаолинем. Придя в себя, он с изумлением осознал, что умудрился угодить прямиком в дешевый романчик о совершенствующихся под названием «Путь бессмертного к уничтожению мира», который листал бог весть когда в прошлой жизни.

Название говорило само за себя. Типичное бульварное чтиво о неудачнике, который медленно, но верно карабкается на вершину мира, попутно сокрушая врагов. Полный набор заезженных штампов: всемогущий главный герой, рояли в кустах, регулярные щелчки по носу спесивым соперникам и, разумеется, гарем у ног.

Огорчали лишь два обстоятельства.

Во-первых, роман все еще находился в процессе написания.

Во-вторых, сам Юй Шаолин очутился вовсе не в теле этого баловня судьбы.

Нынешний владелец этого тела носил то же имя — Юй Шаолин. Но в сюжете ему была отведена роль даже не второго плана, а заштатного статиста. Жалкое пушечное мясо, чье присутствие в тексте ограничивалось парой-тройкой абзацев.

Насколько помнил Шаолин, этот тип приходился старшим братом первому красавцу Поднебесной по имени Юй Шао — тому самому недостижаемому идеалу, «белому лунному свету», в которого без памяти влюбился главный герой. Пользуясь смазливym личиком, здешний Шаолин вел исключительно праздную жизнь: волочился за каждой юбкой, расточал пустые обещания, а бесславный свой путь закончил прямо в постели куртизанок, погибнув в момент близости. Словом, классический бабник и гуляка.

Итог неутешительный: Юй Шаолин заброшен в чужой мир в образе никчемного прохвоста, обреченного на скорую и позорную кончину.

Новоиспеченный попаданец мысленно воззвал к небесам.

В прошлой жизни он был сиротой. Без роду и племени, волею случая он ступил на стезю самосовершенствования и упорным трудом достиг пика стадии Слияния со Вселенной. Выдержав девять сокрушительных ударов грозы, он уже приготовился вознестись в чертоги бессмертных. Но небеса коварны. Откуда взялась десятая молния, когда по всем канонам полагалось лишь девять?! Застигнутый врасплох, он обратился в пепел и очнулся уже на страницах чужого романа.

Падение с вершины величия в грязь было стремительным. Пожалуй, это самый глубокий провал за все двадцать лет его сознательной жизни.

Впрочем, сокрушаться поздно. Картины прошлого пронеслись перед мысленным взором, заставив Юй Шаолина трезво оценить свое положение и наметить новый план действий.

Отныне — никакой суеты. Он найдет тихий, заброшенный уголок подальше от женского общества, примет обет целомудрия и будет тихо влачить существование, пока смерть не приберет его в положенный срок.

Стоило ему принять это решение, как в голову бурным потоком хлынули чужие воспоминания. Юй Шаолин быстро прокрутил их в уме — ничего нового, обычная биография избалованного юнца.

Едва разум окончательно слился с новой плотью, парень ощутил суровую реальность. Его руки и ноги были туго стянуты веревками, а холщовые штаны безжалостно спущены до колен, выставляя его бледный зад на всеобщее обозрение и обдувание легким ветерком.

Посреди бела дня, под пристальными взглядами зевак! Не успел Юй Шаолин опомниться от стыда, как он услышал робкий, заикающийся голосок:

— Учитель, старший брат лишился чувств от боли. Может, на первый раз хватит...

— Облить его соленой водой, живо очухается! — отрезал ледяной голос.

Тон говорившего был настолько суров, что у Юй Шаолина мгновенно побежали мурашки по коже. Сонливость как рукой сняло.

Какая бесчеловечная жестокость! Лить соль на свежие раны? Он же не туша для засолки!

Шаолин поспешно распахнул глаза и завопил:

— Не надо воды! Не надо! Я пришел в себя!

— Так я и знал, негодный мальчишка! Опять притворяешься! — гроыхнуло в ответ.

В этом раскатистом голосе сквозила лютая, ничем не прикрытая досада.

Юй Шаолин зажмурился от бьющего в глаза солнца и попытался рассмотреть своего мучителя.

Мужчина был облачен в белоснежные просторные одежды с широкими рукавами, а за его

поясом покоилась флейта из белой яшмы. Облик истинного праведника портила лишь излишняя чопорность: идеальные складки халата и безупречная осанка отдавали занудством. Черты его лица казались правильными, но между бровей пролегла глубокая складка — след вечного недовольства.

Неужели это и есть отец прекраснейшего юноши Поднебесной? Кажется, его зовут Юй Миньчжи. Глядя на эту угрюмую мину, трудно поверить, что он способен породить такое неземное создание, как Юй Шаои.

Впрочем, память услужливо подсказала: Миньчжи не был родным отцом девочки, лишь приемным.

Судьба Юй Шаои в оригинале была полна страданий. Сирота без роду и племени, он и в приемной семье не нашел тепла. Старший брат измывался над ним, родители оставались безучастны, а затем и вовсе сослали беднягу в захудалый даосский монастырь, где он терпел вечные лишения. Неудивительно, что расплата настигла это семейство: непутевый сын умер в момент близости, а Павильон Яньюнь стерли с лица земли демоны. Закономерный финал для злодеев.

Но теперь в теле этого самого непутевого сына находился он. А значит, и расплачиваться за чужие грехи придется ему.

Юй Шаолиню нестерпимо захотелось выругаться. Но резкая боль ниже спины быстро вернула его к реальности.

— Еще двадцать ударов плетью! И попробуйте только бить вполсилы — шкуру спущу со всех! — взревел разъяренный отец.

В прошлой жизни Юй Шаолин рос без родителей, и вот судьба преподнесла ему щедрый урок «отцовского воспитания». Спасибо, сыт по горло. Он попытался призвать духовную силу, чтобы разорвать путы, но с ужасом обнаружил, что меридианы заблокированы, а тело сковала слабость.

Юй Миньчжи, заметив его потуги, презрительно фыркнул:

— Опять за старое, паршивец? Я предвидел твои уловки, потому и приказал связать тебя верёвкой, блокирующей духовную силу. Посмотрим, как ты теперь выкрутишься!

"И это родной отец? — с тоской подумал Юй Шаолин. — За какие грехи мне это наказание?"

Ветер казался ледяным, но еще холоднее становилось от свиста плети, которая после окрика родителя опускалась все яростнее.

К счастью, над плахой показалась спасительница.

Судя по всему, его матушка.

Женщина была поразительно красива, и при одном взгляде на нее в груди Шаолиня разлилось щемящее тепло. Словно под ее крылом ему больше не грозила ни одна беда мира.

Красавица средних лет, чьи манеры секунду назад казались верхом изящества, со свистом перехватила занесенную плеть и набросилась на мужа, мгновенно позабыв о приличиях:

— Юй Миньчжи! Как у тебя рука поднялась на моего А-Цюэ?! Я тебе глаза выцарапаю!

Шаолин лишился дара речи. Суровый глава ордена тут же сжался, растеряв весь свой грозный пыл. Он суетливо перехватил руки супруги и принялся лепетать оправдания:

— Душа моя, виноват! Не гневайся, прошу. Тебе вредно волноваться, побереги здоровье...

"Понятно, — хмыкнул про себя Шаолин. — Подкаблучник обыкновенный"

— Ты ведь знаешь, как я пекусь об А-Цюэ! И нарочно устраиваешь эту порку у меня на глазах! Свести меня в могилу вздумал?! — Госпожа Юй капризничала, словно юная девица, но ее супруг внимал каждому слову с благоговением. Увязавшись за разгневанной женой, он напрочь забыл о наказании сына.

Юй Шаолин, однако, успел заметить, как матушка за спиной отца заговорщически подмигнула ученикам. Те сообразили мгновенно: подхватили побитого старшего брата под руки и потащили прочь от греха подальше.

Оказавшись на безопасном расстоянии, парни спешно распутали узлы. Шаолин, растирая покрасневшие запястья, принялся расспрашивать спасителей о происходящем.

К счастью, младшие соученики оказались ребятами простодушными и выложили все как на духу.

Выслушав их, Шаолин пришел к выводу: поделом ему досталось.

Какой отец терпит, если застанет сына в борделе в окружении девиц легкого поведения?

Поговаривали, что в момент облавы в покоях Шаолиня развлекались чуть ли не десяток куртизанок.

Тут его младший соученик Лу Дибao смущенно уточнил:

— Вообще-то, старший брат, их там было штук двадцать...

Юй Шаолин едва не поперхнулся воздухом. С такими аппетитами неудивительно, что прежний владеец тела так быстро умер в момент близости.

Из дальнейшего щебетания младших учеников Шаолин уяснил, что временной отрезок, в котором он очутился, сильно отличался от событий романа. В эту эпоху ордены праведников процветали, а демоны притихли и носа не казали наружу.

Его родная обитель называлась Павильоном Яньюнь. Местные адепты постигали Дао через поэзию и каллиграфию, а отец Шаолина являлся нынешним главой ордена. Это была крупнейшая фракция на Юге, насчитывающая три тысячи учеников. Впрочем, личных учеников у главы было всего тридцать, и Юй Шаолин, будучи старшим, носил звание Старшего брата.

Пока Шаолин пытался переварить лавину сведений, перед ним прыгали двое раскрасневшихся парней — Сун Тяньчай и Лу Дибao. Силы в теле Шаолина не осталось, но мастер сразу определил: у обоих кости самые заурядные, до стадии Золотого Ядра им как до луны. И это — элита ордена? Насколько же измельчал Павильон Яньюнь!

Не успел он додумать эту мысль, как соученики огорошили его новой вестью. Оказывается, настоящее имя этого тела было вовсе не Юй Шаолин, а Юй Цюэ. Символизирующее «недостаток» или «изъян». Отец дал ему такое имя, руководствуясь старым суеверием: якобы, если у человека есть изъян в имени, капризная судьба пожалеет его и одарит счастьем в жизни.

Подобное бабье суеверие из уст начитанного и строгого главы ордена казалось нелепостью. Но сквозь смех в груди Шаолина разлилась горькая смесь зависти и грусти.

У этого никчемного Юй Цюэ были любящие родители. Родители, готовые защитить его от любых невзгод. Полная противоположность его собственной сиротской доле.

Выудив из ребят все подробности, Шаолин отослал их прочь и, потирая ноющий зад, поплелся в свои покои. Мысли путались. Комната поражала роскошью, а под подушкой обнаружилось изящное бронзовое зеркальце — похоже, прежний хозяин был тем еще нарциссом.

Усмехнувшись, Шаолин заглянул в полированную медь. Отражение явило ему лицо редкой, почти порочной красоты.

Автор романа не врал: внешность у парня была выдающаяся. Разве что легкие тени под глазами выдавали чрезмерное увлечение плотскими утехами.

Но самым удивительным были глаза. Они остались прежними — его собственными, из прошлой жизни. Взгляд, таивший в себе искры лукавства и невысказанного томления, способный одним лишь взмахом ресниц сокрушить любое сердце.

Когда-то на пути совершенствования ему сказали, что у него глаза грешника, а не праведника. В них странным образом уживались детская чистота и порочная глубина, холодное равнодушие и всепоглощающая страсть.

Тогда он лишь отмахнулся от этих слов. Но сейчас, глядя на новое лицо, понял, насколько гармонично они сочетались с этой изнеженной внешностью.

Юй Шаолин сам не заметил, как уснул. Постель оказалась такой мягкой и уютной, что все тревоги отступили, уступив место глубокому сну без сновидений.

Разбудил его тихий скрип двери. Хотя здешнее тело не отличалось выдающейся силой, обостренные чувства уловили малейший шорох.

Распахнув глаза, он увидел лучащиеся теплом глаза матушки. Она кралась к его постели, держа в руках лакированный коробок для еды, и явно не ожидала, что сын так быстро проснется.

Заметив, что он собирается заговорить, женщина поспешно прижала палец к губам, умоляюще округлив глаза.

Этот забавный жест растопил остатки настороженности в душе Шаолина. Он невольно улыбнулся.

Матушка бесшумно подошла ближе. Шаолин попытался подняться, но она мягко удержала его за плечо:

— Лежи, А-Цюэ, лежи. Еще и пяти часов не пробило, а на улице сырость да холод собачий.

Парень послушно зарылся носом в одеяло. Здешняя зима действительно выдалась суровой. Юй Миньчжи в наказание лишил его угля, и комната успела выстудиться. Единственным теплым островком оставалась его постель.

Шаолин последовал совету матери и остался лежать, выставив из-под одеяла только макушку.

Госпожа Юй ничуть не удивилась такому ребячеству. С тихим смешком она придвинула стул, устроила прямо на его постели легкий столик и бережно расставила миски из лакированного короба.

— Твой твердолобый отец совсем из ума выжил, — ворчала она, раскладывая закуски. — Заставил тебя морить себя голодом в этой глуши. Наверняка проголодался, бедненький.

Желудок Шаолия тут же отозвался жалобным урчанием. За весь день он не съел ни крошки. Матушка протянула ему палочки для еды:

— Попробуй, сынок. Я приготовила твою любимую рисовую лапшу с курицей. Скажи, вкусно ли вышло?

В глубокой пиале дымился прозрачный, наваристый куриный бульон с тонкой лапшой, украшенный половинками маринованного яйца. От одного запаха текли слюнки.

Глядя на эту простую еду, Шаолин невольно вспомнил прошлую жизнь. Сирота без крова и тепла, в детстве он частенько коротал вечера у крошечной уличной лавки, заказывая точно такую же миску горячей лапши.

Тогда она казалась ему лучшим лакомством на свете. Но в один прекрасный день, придя к заветному прилавку, он обнаружил лишь запертые ставни. Вся улица словно вымерла — ни одной открытой двери, ни одной живой души.

И лишь тогда он вспомнил, что наступил праздник Нового года.

Время, когда даже самые бедные работяги спешат домой, чтобы разделить теплом с близкими.

Он бесцельно бродил по опустевшему городу, чувствуя, как внутри разрастается холодная пустота.

У всех вокруг был дом, семья, причал. И только он оставался безродным бродягой, случайно заброшенным в этот мир, где никто его не ждал.

Он шел, не разбирая дороги, пока сумерки не сгустились над головой.

На его плечи ложились первые снежинки. Он протянул ладонь, ловя крошечный белый кристаллик, который тут же растаял от тепла кожи, оставив лишь каплю влаги. Словно напоминая: ты здесь чужой, и ничто в этом мире тебе не принадлежит.

Одиночество сдавило грудь. Он закинул голову, всматриваясь в бесконечную снежную высь. Что скрывается за плотными облаками? Где предел великого Дао?

"Если мне суждено быть безродным сорняком на этой земле, — решил он тогда, — я найду свой путь на небесах"

— А-Цюэ, сынок, почему ты плачешь? — встревоженный голос матери вырвал его из плена воспоминаний. Шаолин коснулся щеки — она действительно была мокрой от слез.

Госпожа Юй истолковала его молчание по-своему:

— Опять этот старый сухарь распустил руки! — Она решительно поднялась, воинственно сжав кулачки. — Не плачь, мой хороший. Матушка сейчас пойдет и проучит его как следует!

Перепугавшись, что разгневанная женщина действительно побьет несчастного главу ордена, Шаолин поспешно схватил ее за край рукава:

— Матушка, не нужно! Отец здесь ни при чем, правда.

— В самом деле? — недоверчиво прищурилась она, возвращаясь на стул. Ее взгляд по-прежнему лучился заботой. — Отчего же тогда слезы?

— От радости, — мягко улыбнулся Шаолин, и на его лице снова заиграла привычная беззаботная улыбка. — Мне так тепло на душе от твоей заботы, матушка.

Эти слова привели госпожу Юй в легкое замешательство. Она тихо рассмеялась и шутливо погрозила ему пальцем:

— Глупый мальчишка, нашел из-за чего плакать! Ну же, ешь, пока не остыло.

Шаолин послушно склонился над пиалой. Горячий бульон согревал тело, прогоняя остатки зимней сырости.

В его мыслях промелькнула робкая догадка.

Если бы в прошлой жизни у него была настоящая семья...

Материнская лапша наверняка была бы именно такой на вкус.

<http://bllate.org/book/18172/1746358>